

Глоток свободы на глубине два метра

Человеки удивительным образом последовательны в своих пристрастиях. Высосав из пальца в семилетнем возрасте представление о «самой красивой девочке на свете», мужичок до седых волос упорно подбирает себе спутниц жизни в строгом соответствии с негласным подсознательным идеалом пубертата: женится, разводится, опять женится — и все на одном и том же типаже недостающего ребра!

Аналогичные паттерны поведения прослеживаются в карьерных устремлениях, в химерических представлениях о «единственно правильном воспитании» подрастающего поколения, в политических приверженностях, в поведении на курортном отдыхе, в казино, при биржевой игре... Или возьмем, к примеру, мой случай: в 24 года я написал и защитил диссертацию по художественным формам отражения социальной мифологии. Получил корешок, поставил в рамочку и запихал в глубокую пыльную сушеку подальше от натужностей бытового реализма. И что же? Чем бы я ни занимался в дальнейшем — монтировал завод по производству содовой воды, торговал на американской бирже, изготавливал мультимедийные учебные курсы, писал книжки и статьи — все, абсолютно все незримым, мистическим образом ходило вокруг да около моей диссертационной темы — социальной мифологии! В бизнесе меня привлекали не столько реалии производственного и торгового процесса, сколько неформальные образования типа бандитско-государственных спаек, крыш и чиновничьей круговой поруки. В образовании — иллюзорные конструкции, вбитые в головы публики умелыми кукловодами-энэлпзшниками, в журналистике — вариации на тему социально инфантильных иллюзий виртуального сообщества и ритуальные гопаки IT-корпоратива. Как видите — все та же старая добрая социальная мифология, лишь слегка модифицированная убогим постсоветским эксклюзивом.

Вот и теперь: сижу смотрю фильм «Елизавета: золотой век» и вместо того, чтобы расслабиться и насладиться игрой безумно любимой Кейт Бланшетт, извожу себя тщетным брюзжанием в адрес проклятой англо-саксонской социальной мифологии, которая, похоже, запудрила сегодня мозги всему земному шару. Ну что же это за несусветная такая ахиняя про злых испанских монархов, «чудовищные преступления инквизиции» и «светлые идеалы свободы», которыми якобы осчастливил человечество маленький, но гордый остров в Ла-Манше! Ведь все это, от первого до последнего посыла, — чудовищная чушь и ложь, мерзко перевернутая история, которую скармливают не страдающему излишней образованностью и — самое печальное! — элементарным любопытством подрастающему поколению.

Испания периода Grande y Felicisima Armada представляла собой кульминацию духовного развития всей европейской цивилизации, самую утонченную форму

симбиоза культуры, государственности и религии. На исходе XVI века изысканная и возвышенная Испания, чьи глаза застлало наивное представление о куртуазном устройстве мира, столкнулась с доселе неведомой формой государственности — британской малиной. В самом прямом смысле этого слова: малиной в смысле оплота *беспросветного бандитизма*, находящегося под откровенным и циничным прикрытием «просвещенной монархии».

Своеобразие британской малины заключалось не только в полном беспределе и вероломстве (знаменитое английское «у Британии нет друзей, есть только интересы»), а в нечеловеческой жестокости. Это — что касается «зверств испанской Инквизиции». Есть замечательная книга, написанная в начале XIX века секретарем Инквизиции Хуаном-Антонио Льоренте («История испанской Инквизиции»). Книга весьма критичная, за что автор долгие годы был вынужден жить в изгнании во Франции. Тем не менее настоятельно рекомендую прочитать ее всем тем читателям, которым не посчастливилось самостоятельно выветрить из головы мифологию, старательно вбитую в школах и институтах. Мифологию о «зверствах» и «беспределе» испанской Инквизиции.

Из книги Льоренте читатели с удивлением узнают, что, оказывается, Инквизиция никогда никого не сжигала (этим занимались светские власти), не преследовала науку (а мирно сосуществовала с университетами, активно отстаивая собственные догмы в научных диспутах), не охотилась на ведьм (а преследовала марранов, втайне сохранявших веру в иудаизм — именно этому обстоятельству Инквизиция и обязана своей беспрецедентной демонизацией в истории), а главное — никогда не убивала «10–12 миллионов людей в Европе». Это «общепринятое утверждение» — самая гомерическая ложь, какую только можно представить: с 1550 по 1800 год по приговорам испанской Инквизиции было казнено 3–4 тысячи человек! Примерно столько, сколько замочили за первую неделю красного террора в ответ на убийство Урицкого неуловимые во всех отношениях мстители.

Не буду портить читателю удовольствие от ожидающего его удивительного прозрения, скажу лишь по ходу дела, что так называемые «зверства» испанской Инквизиции — детский лепет в сравнении с общепринятыми по тем суровым временам истязаниями, практиковавшимися светскими властями Германии, Франции и особенно Англии, чьи правители с сата-

СЕРГЕЙ
ГОЛУБИЦКИЙ